

А. С. Сенько

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Исследование вопросов, связанных с обеспечением органами прокуратуры прав и законных интересов граждан при осуществлении надзора за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов министерствами и другими подведомственными Совету Министров органами, местными представительными и исполнительными органами, предприятиями, организациями и учреждениями, общественными объединениями, должностными лицами и гражданами (общего надзора), является весьма актуальной задачей науки и практики. Наличие различных организационно-правовых форм защиты правового статуса лиц, бесспорный приоритет в этой сфере судебного способа защиты вызывают настоятельную потребность в более точном определении правозащитной компетенции прокуратуры и дальнейшем развитии законодательства, регламентирующего прокурорско-надзорную деятельность. На этот шаг ориентирует, в частности, и Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренная Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. «О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь»¹.

Рассматривая проблематику правового поля общенадзорной деятельности, определяющего границы компетенции органов прокуратуры по осуществлению защиты прав и законных интересов граждан, следует прежде всего остановиться на процессе возникновения прокурорско-надзорных правоотношений. До 90-х гг. прошлого столетия в юридической литературе остро дискутировался вопрос относительно поводов прокурорского надзора, к которым теория относит: обращения граждан; сообщения учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц; сообщения средств массовой информации; указания вышестоящих прокуроров; данные судебной и следственной практики; иные сведения о нарушении законодательства². Многочисленные теоретические суждения сводились к двум противоположным взглядам. Одна группа авторов, представляемая В. Г. Даевым, В. Д. Ломовским, М. Н. Маршуновым и другими, отстаивала точку зрения об обязательном наличии поводов для возникновения прокурорско-надзорных отношений³. В частности, В. В. Гаврилов писал,

что правило о проведении общенадзорных проверок при наличии сведений о нарушении законности представляется совершенно необходимым, имеющим принципиальное значение, так как прокуратура обязана действовать целеустремленно для достижения задач, возложенных на нее законодателем⁴. Другие, к примеру С. Г. Березовская, П. А. Копейко, указывали на необходимость предоставления прокурорам права по собственной инициативе, без наличия поводов проводить проверки исполнения законов⁵.

В конечном итоге признание получила первая из приведенных точка зрения, положения которой восприняты действующим Законом Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь»⁶ (Закон о прокуратуре) от 29 января 1993 г. (ст. 21). Однако в своем дальнейшем развитии правоприменительная практика органов прокуратуры не стала неукоснительно придерживаться буквы закона. Правозащитная деятельность осуществлялась прокурорами по-прежнему как при отсутствии, так и при наличии к этому соответствующих поводов. Непоследовательную позицию в отношении поводов к возбуждению правозащитной функции прокуратуры нельзя объяснить простым пренебрежением требованиями Закона о прокуратуре хотя бы уже потому, что аналогичные процессы происходят в соседних государствах⁷.

Причина, как представляется, в ином. Вероятнее всего, сложившаяся ситуация объясняется тем, что требование ст. 21 Закона о прокуратуре об обязательном наличии повода (юридического факта) для возбуждения общенадзорного прокурорского процесса не отвечает или недостаточно полно отвечает потребностям современного правового регулирования общественных отношений. С этой точки зрения проведенное обобщение научных работ, посвященных исследованию проблематики поводов прокурорско-надзорных отношений, показывает, что в различных подходах к выводу о необходимом присутствии поводов для возбуждения прокурорско-надзорной деятельности авторы оперируют двумя основными аргументами: 1) сущностью прокурорского надзора, предполагающей обязательное наличие юридического факта для возникновения прокурорско-надзорных отношений; 2) практической целесообразностью – малочисленный корпус прокурорских работников не в силах эффективно осуществлять постоянный надзор за точным и единообразным исполнением законодательства.

Относительно первого тезиса следует сказать, что развитие различных социальных отношений и связей постоянно требует совершенствования их правового регулирования, в том числе и в области прокурорско-надзорных правоотношений, в связи с чем меняется сама природа прокурорского надзора. Как представляется, в современный период аналогичная картина наблюдается и в отношении института поводов возбуждения прокурорско-надзорного производства. Дело в том, что с момента закрепления в 1993 г. правила о проведении проверок только при наличии поводов прошло более 10 лет. За это время координально обновилось законодательство, в том числе и конституционное. В результате место органов прокуратуры в системе государственной власти изменилось. Отечественными учеными-юристами и практиками обоснованно отмечается специфика, особенности правовой природы органов прокуратуры по отношению к законодательной, исполнительной и судебной властям⁸. Многие авторы, к примеру С. А. Денисов, В. Е. Чиркин, и вовсе склонны относить институт прокуратуры в современном государственном аппарате к контрольной, контрольно-надзорной ветви государственной власти⁹. С этим стоит согласиться, ибо доводы, приводимые учеными в обоснование своей позиции, являются убедительными.

Принадлежность органов прокуратуры к контрольно-надзорной ветви государственной власти позволяет говорить о возможности возбуждения прокурорско-надзорного процесса по инициативе самих прокурорских работников. К этому их обязывает и положение ст. 1 Конституции Республики Беларусь, провозглашающее республику социальным государством. Социально ориентированные государства призваны наступательно осуществлять защиту прав и законных интересов граждан. Поэтому полагаем, что наряду с пассивным (при наличии поводов) надзором за исполнением законодательства важное значение стали приобретать активные (при отсутствии к этому формально-юридических фактов) правозащитные действия прокуроров. Это подтверждается и правоприменительной практикой. Так, Глава государства, как гарант Конституции Республики Беларусь, прав граждан, периодически поручает Генеральному прокурору Республики Беларусь проведение различных правозащитных мероприятий по линии общего надзора. В качестве примера можно указать на распоряжение Президента Республики Беларусь от 29 апреля 1997 г. № 128 рп «О мерах по улучшению работы с обращениями граждан», в котором

прокуратуре поручается усилить надзор за соблюдением законодательства при рассмотрении предложений, заявлений и жалоб граждан¹⁰.

Такого рода указания Президента Республики Беларусь нельзя относить к разряду поводов инициирования правозащитной общенадзорной функции прокуратуры. От последних их отличает ряд признаков. Во-первых, присутствие поводов к правозащитной деятельности органов прокуратуры не всегда влечет за собой начало прокурорско-надзорного производства, так как для этого необходимо еще наличие предусмотренных законом оснований и условий прокурорского процесса. В силу же императивного характера указаний Главы государства прокуроры обязаны во всех случаях приступить к проведению общенадзорных мероприятий. Во-вторых, юридическая сила поводов имеет одноразовое действие. При наличии конкретного повода должностные лица прокуратуры принимают одно из двух решений – проводить прокурорско-надзорные мероприятия или нет. На этом, как правило, юридическая значимость повода прекращается. Совсем иначе обстоит дело с указаниями, распоряжениями Президента Республики Беларусь. Данные акты действуют продолжительное время и рассчитаны на многократное использование. В-третьих, поводам присущ строго индивидуальный характер. Они информируют прокурора о каком-либо факте или группе фактов нарушений правового статуса личности и предполагают проведение прокурорских проверок именно по указанным фактам. Указания, распоряжения Главы государства, напротив, носят, как правило, обобщенный характер и ориентируют на усиление прокурорского надзора в целом без указания на конкретные случаи нарушений прав и законных интересов личности.

Таким образом, следует признать, что нынешняя природа прокурорского надзора требует от прокуратуры осуществления правозащитной деятельности не только при наличии соответствующих поводов, но и по инициативе прокуроров. В современной теории прокурорского надзора на такую возможность уже обращалось внимание¹¹.

Что же касается практической целесообразности осуществления органами прокуратуры правозащитной деятельности без соответствующих поводов, то это проблема не правового, а управленческого плана. Ставя те или иные задачи перед прокуратурой, необходимо

согласовывать их с такими критериями организации деятельности института прокуратуры, как реальная исполнимость и эффективность прокурорского надзора.

Представляется, что указания на случаи проведения проверок при отсутствии поводов должны быть непосредственно отражены в законодательстве: в актах Главы государства; приказах Генерального прокурора и т. д., что позволит упорядочить деятельность прокуратуры.

Вследствие всего сказанного, в целях дальнейшего совершенствования законодательства о прокурорском надзоре, было бы логичным и целесообразным в Законе о прокуратуре отразить, что прокурорско-надзорные мероприятия, направленные на защиту правового статуса граждан при осуществлении общего надзора, проводятся не только при наличии поводов, но и в иных случаях, прямо предусмотренных нормативными правовыми актами.

В теории прокурорского надзора и в действующем законодательстве пределы осуществления общенадзорной деятельности прокуратуры, помимо поводов, ограничиваются институтом оснований прокурорско-надзорного процесса. Закон о прокуратуре гласит: проверки исполнения законов проводятся при наличии в поводах информации о «нарушениях законности» (ст. 21).

В юридической литературе проблема института оснований связывается с двумя последовательными моментами: установлением характера сведений о нарушении законности и содержанием этих сведений. Действующее законодательство не дает прямого ответа на вопрос, должны ли сведения, содержащиеся в поводах, с несомненностью подтверждать факт нарушения законности или нет. Среди правоведов в этом плане существует изрядная пестрота мнений. Большинство авторов, в том числе В. Г. Даев, М. Н. Маршунов, Е. Б. Червякова и др., полагают, что для инициирования прокурорско-надзорной деятельности необходимо наличие в поводах достаточных данных, убедительно свидетельствующих о правонарушении¹². Другие авторы, например Л. А. Николаева, указывают, что для этого достаточно сведений, в которых содержатся данные, дающие возможность обоснованно предполагать о фактах нарушения законности¹³. Третьи утверждают, что для возбуждения прокурорско-надзорной деятельности достаточно любых сведений о том, что нарушение законности, возможно, имело место в действительности¹⁴.

Считаем, что правильной является последняя точка зрения, поскольку сторонники первых двух позиций забывают о том, что главное предназначение института оснований прокурорско-надзорной деятельности состоит не в степени доказанности изложенных сведений, а в наличии самих сведений о нарушении, ограничении правового статуса граждан как необходимом формально-юридическом предлоге для начала прокурорско-надзорного процесса. Указанными же авторами основания прокурорского надзора, по сути, отождествляются с доказательственной базой, подтверждающей факт нарушения правового статуса личности. Институт оснований прокурорского надзора, как правило, в силу своей природы не содержит и не может содержать в себе какие-либо доказательственные материалы. Взять, к примеру, сообщения средств массовой информации. Основная их цель состоит в акцентировании внимания общественности и соответствующих должностных лиц на той или иной проблеме, связанной с соблюдением, защитой прав и законных интересов человека. Стиль изложения информации носит повествовательный характер, а доказательственная база остается за бортом сообщения. Сказанное относится и к заявлениям, жалобам и иным сообщениям граждан. Граждане, кроме того, зачастую лишены реальной возможности предоставлять прокурору какие-либо данные, подтверждающие достоверность изложенных ими сведений.

Поэтому полагаем, что характер сведений о нарушении законности не должен принципиально влиять на процесс возбуждения прокурорско-надзорной правозащитной деятельности. Единственное предназначение института оснований состоит в корректировке компетенции органов прокуратуры, согласно которой прокуратуре подведомственны только деликты о нарушениях законности, а не иные вопросы, к примеру разъяснение и толкование законодательства, дача юридических консультаций и т. д. Вследствие этого ревизию сведений, содержащихся в поводах прокурорского надзора, необходимо проводить, на наш взгляд, лишь по одному критерию – информирует она должностных лиц прокуратуры о нарушениях прав и законных интересов человека или нет.

Касаясь вопроса содержания сведений, составляющих институт оснований прокурорско-надзорной деятельности, необходимо сказать, что среди правоведов отсутствует единая точка зрения по данному

аспекту. Одни, к примеру А. Хомовский, полагают, что основанием для проведения прокурорских проверок являются данные о нарушениях законности¹⁵. Другие помимо сведений о нарушениях законности относят к основаниям проведения проверок сведения о готовящихся правонарушениях. В. Г. Даев, М. Н. Маршунов указывают, что «под основанием прокурорского надзора следует считать наличие в источнике информации достаточных данных полагать, что правонарушение действительно имело место или готовилось»¹⁶.

Законодательная конструкция ст. 21 Закона о прокуратуре не включает в содержание оснований прокурорского надзора сведения о готовящихся нарушениях законности. С таким положением нельзя согласиться. Во-первых, диспозиция ст. 21 в этой части не согласуется с предписаниями ст. 22, 26, 38 и 39 Закона о прокуратуре, указывающих на возможность реагирования прокуроров на факты готовящихся правонарушений. Во-вторых, прокуратура, как специализированный государственный орган, призванный обеспечивать верховенство законодательства и укрепление законности, не должна, зная о готовящемся правонарушении, пассивно ожидать его совершения с тем, чтобы в дальнейшем отреагировать на него в установленной законом форме. В-третьих, в настоящее время в деле укрепления законности и снижения уровня правонарушений государство возвращается к таким незаслуженно забытым методам, как усиление профилактических (предупредительных) функций. Этот процесс предполагает повышение предупредительной роли и органов прокуратуры.

Сказанное, как представляется, вызывает потребность закрепить в Законе о прокуратуре положение о том, что содержание института оснований прокурорского надзора составляют не только сведения о нарушениях законности, но и информация о готовящихся нарушениях законности.

Как сторонники, так и противники общенадзорной деятельности прокуратуры обоснованно указывают на ошибочность проводимой десятилетиями политики возложения на прокуроров надзора «за всеми и всем». В частности, В. Н. Точилковский пишет, что прокуратура просто не в состоянии охватить все правоотношения в сфере защиты прав и законных интересов граждан даже при наличии к этому поводов и оснований¹⁷. В связи с этим учеными-юристами и практиками

отмечается, что необходимо не допускать подмены прокурорами деятельности иных правозащитных институтов¹⁸. С этим следует согласиться, ибо вторжение прокуроров в правозащитное поле иных органов и должностных лиц, с одной стороны, приведет к ослаблению гарантированности защиты прав и законных интересов граждан, а с другой стороны, отрицательно скажется на эффективности деятельности самих органов прокуратуры.

Законодатель учел данную тенденцию, введя в Закон о прокуратуре институт условий общенадзорной деятельности, согласно которому прокурорские проверки должны проводиться в случаях, когда характер нарушений законности требует «непосредственного прокурорского реагирования» (ст. 21). Несмотря на то, что институту условий общенадзорной деятельности принадлежит наиболее важная роль в конкретизации правозащитной юрисдикции органов прокуратуры, в Законе о прокуратуре не дается трактовка случаев, требующих личного прокурорского вмешательства. Это существенно затрудняет правоприменительную деятельность.

В свою очередь, проведенный анализ юридической литературы показывает, что в теоретическом плане условия прокурорско-надзорной деятельности разработаны не на достаточном уровне. В основном в теории встречаются общие указания о том, что прокуратура в своей деятельности не должна подменять иные государственные органы и должностных лиц, что правозащитный потенциал прокуратуры носит компенсационный характер и дополняет существующие средства правовой защиты¹⁹. Имеются и более конкретизированные суждения. И. Э. Мартыненко, рассматривая вопросы, связанные с организацией проведения прокурорских проверок исполнения законодательства об охране памятников истории и культуры, отмечает, что «прокурорское вмешательство по поступившим обращениям возможно и необходимо в том случае, когда: 1) уполномоченные органы охраны памятников уже провели проверку и установили нарушения законности, устранение которых находится в компетенции прокуратуры; 2) нарушения законности допустили сами органы государственного контроля»²⁰. Ряд авторов в рассматриваемом плане указывает на предназначение органов прокуратуры защищать неперсонифицированные (общественные) и безгласные интересы²¹. Эту же цель деятельности прокура-

туры провозгласила Концепция судебно-правовой реформы 1992 г., положения которой нашли свое воплощение в действующем законодательстве. На защиту персонифицированных и безгласных интересов нацеливают прокуроров требования Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. (ст. 67, 81, 139, 183, 189)²², Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 г. (ст. 3, 13)²³, Закона Республики Беларусь «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 1 июля 1999 г. (ст. 45–46)²⁴ и др.

Одними из немногих, кто вплотную подошел к разработке вопроса о содержании института условий прокурорско-надзорной деятельности, являются С. Кехлеров и А. В. Чурилов. С. Кехлеров рекомендовал четыре варианта целенаправленных прокурорских действий. Первый вариант автор связывал с реализацией исключительных полномочий прокурора (например, с принесением протеста, возбуждением уголовного дела и т. д.). Второй – объяснял как вынужденную меру прокурорского вмешательства в случае, когда полномочия других органов и должностных лиц по устранению выявленных нарушений законов и привлечению виновных к ответственности исчерпаны. Третий – обосновывал обнаружившейся злостной бездеятельностью государственных органов в пресечении конкретных видов нарушений законов, когда такое их отношение ведет к серьезным деформациям в правоприменительной практике и наносит существенный вред интересам личности, общества и государства. Четвертый вариант прокурорского вмешательства С. Кехлеров определял задачей защиты персонифицированного (общественного) и безгласного интереса (несовершеннолетние, престарелые, инвалиды, недееспособные лица)²⁵.

Положительно воспринимая в целом приведенную точку зрения автора, следует, однако, отметить, что нет необходимости выделять первый и второй варианты непосредственного прокурорского реагирования на нарушения законности или угрозы такого нарушения. Личное вмешательство прокуроров в случаях недостаточности полномочий иных органов и должностных лиц по устранению выявленных нарушений законов и привлечению виновных в этом лиц к установленной законом ответственности само собой подразумевает и вариант реализации исключительных полномочий прокуратуры. Поэтому, как представляется, не случайно А. В. Чурилов, воспроизводя по-

зицию С. Кехлерова, отказался от первого варианта непосредственно-го прокурорского реагирования, заменив его такой предпосылкой, как необходимость без всяких отлагательств применить в целях устранения очевидных нарушений прав граждан специальные полномочия, предоставленные законом органам прокуратуры²⁶.

Данную трактовку условий функционирования прокуратуры можно применить в отношении общенадзорной деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь. К такому утверждению позволяют прийти тенденции правоприменительной деятельности прокуратуры, развивающиеся в русле названных критериев; традиционная близость правовых систем; во многом тождественные процессы, происходящие в социальной и правовой сферах обоих государств.

Вместе с тем сведение условий прокурорско-надзорной правозащитной деятельности только к названным моментам не полностью раскрывает их содержание. Как указывалось, прокуратура в Республике Беларусь осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением широкого круга нормативных актов. Поэтому в качестве условий возбуждения правозащитной деятельности прокуратуры необходимо признавать не только нарушения законов, но и всех иных нормативных актов, надзор за исполнением которых возложен на Генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему прокуроров. Далее, опираясь на положение диспозиции – принципа организации и деятельности прокуратуры (п. 3 ч. 1 ст. 4 Закона о прокуратуре), требующее от прокуроров принимать меры по пресечению нарушений законов, от кого бы они ни исходили, восстановлению нарушенных прав и привлечению к установленной законом ответственности лиц, допустивших эти нарушения, можно с уверенностью говорить о еще большем расширении содержания института условий правозащитной функции прокуратуры. В данном случае речь идет о тех нарушениях прав и законных интересов граждан, которые прокурор выявил в ходе самого процесса правозащитной деятельности прокуратуры. Независимо от того, требует ли характер таких вновь выявленных нарушений правового статуса лиц непосредственного прокурорского реагирования или нет, должностные лица прокуратуры во всех случаях обязаны в рамках своей компетенции предпринять меры, направленные на их пресечение и восстановление нарушенных прав.

Особые трудности с защитой прав и законных интересов возникают у малообеспеченных граждан. В связи с этим в республике планируется создание государственной службы по оказанию квалифицированной юридической помощи данной категории граждан²⁷. Считаем, что до образования указанной службы ее функции (в части обращений малообеспеченных граждан по вопросам нарушений их прав) должны быть возложены на органы прокуратуры.

Как было показано, органы прокуратуры Республики Беларусь осуществляют защиту прав и законных интересов граждан и в иных случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами. С учетом тенденции усиления правозащитной роли органов прокуратуры Республики Беларусь в дальнейшем следует ожидать принятия (издания) нового пакета нормативных правовых актов по вопросам деятельности прокуратуры, направленной на защиту прав и законных интересов граждан. Данное обстоятельство также следует учитывать при раскрытии содержания института условий прокурорско-надзорной деятельности.

Таким образом, полагаем, что содержание института условий общенадзорной правозащитной деятельности органов прокуратуры составляют следующие случаи: при необходимости без всяких отлагательств применить в целях устранения очевидных нарушений прав и законных интересов граждан специальные полномочия прокуроров; когда полномочия других органов и должностных лиц (за исключением суда) по устранению выявленных нарушений законности, прав и законных интересов граждан исчерпаны (компенсационная мера прокурорского вмешательства); при злостной бездеятельности государственных органов, должностных лиц в пресечении фактов нарушений законности, прав и законных интересов граждан; при защите непersonифицированного (общественного) и безгласного интереса (несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, недееспособных и ограниченно дееспособных и т. д.); при защите всех выявленных в ходе прокурорско-надзорного процесса нарушений прав и законных интересов граждан; осуществление защиты прав и законных интересов малообеспеченных граждан; осуществление защиты прав и законных интересов граждан в иных случаях, непосредственно указанных в текущем законодательстве.

Как видится, содержание условий прокурорско-надзорной деятельности должно быть отражено не в самом Законе о прокуратуре, а в ведомственных актах органов прокуратуры. Это позволит достаточно оперативно и безболезненно изменять акценты правозащитной функции прокуратуры с учетом потребностей правового регулирования общественных отношений.

Основываясь на вышеизложенном видении модели правозащитной общенадзорной юрисдикции прокуратуры, представляется необходимым в свете обозначенной Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь задачи по совершенствованию прокурорско-надзорного законодательства изложить последнее предложение ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре в следующей редакции: *«Проверки исполнения законодательства проводятся на основании сообщений и других имеющихся данных о совершенных или готовящихся нарушениях законности, требующих непосредственного прокурорского реагирования, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством»*.

Проведение в жизнь указанных мероприятий будет иметь стимулирующее значение не только в отношении самой правоприменительной деятельности органов прокуратуры. Оно окажет активное воздействие на весь государственный правозащитный механизм, призванный обеспечивать высокий уровень охраны прав и законных интересов граждан.

¹ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 46. С. 5–17.

² Шинд В. И. О совершенствовании законодательства о прокурорском надзоре в СССР // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: Сб. ст. М., 1973. С. 134–135.

³ Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л., 1990. С. 67–68; Ломовский В. Д. Прокурорско-надзорные правоотношения. Ростов н/Д, 1987. С. 115–117.

⁴ Гаврилов В. В. Сущность прокурорского надзора в СССР: Предмет, объект, функция, компетенция / Под ред. В. И. Новоселова. Саратов, 1984. С. 111–113.

⁵ Березовская С. Г. Охрана прав граждан советской прокуратурой. М., 1964. С. 66; Копейко П. А. Пути повышения эффективности общего надзора прокуратуры // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: Сб. ст. М., 1973. С. 183.

⁶ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 10. Ст. 95.

⁷ Чурилов А. В. Защита прав и свобод человека и гражданина средствами прокурорского надзора. М., 2001. С. 42.

⁸ Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь. Мн., 2002. С. 651; Мартыненко И. Э. Судебная защита прокурором прав предприятий, государственных и общественных интересов: Дис. ... канд. юрид. наук. Гродно, 1997. С. 34–35.

⁹ Денисов С. А. Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право. 2002. № 3. С. 9; Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 14–15.

¹⁰ Рэспубліка. 1997. 3–5 мая. С. 4.

¹¹ Викторов И. С. Предмет и формы прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов в сфере экономики // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 3–4. С. 86–88.

¹² Даев В. Г., Маршунов М. Н. Указ. соч. С. 68; Червякова Е. Б. Защита конституционных прав граждан средствами прокурорского надзора (проблемы общенадзорной деятельности): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1992. С. 19–20.

¹³ Николаева Л. А. Некоторые вопросы теории и практики прокурорского надзора // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: Сб. ст. М., 1973. С. 100.

¹⁴ Ломовский В. Д. Указ. соч. С. 120.

¹⁵ Хомовский А. Поводы и основания прокурорских проверок // Социалистическая законность. 1978. № 11. С. 59.

¹⁶ Даев В. Г., Маршунов М. Н. Указ. соч. С. 68.

¹⁷ Точилковский В. Н. О концепции прокурорской власти (проблемы и перспективы) // Советское государство и право. 1990. № 9. С. 44.

¹⁸ Чурилов А. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод граждан // Законность. 1997. № 8. С. 8.

¹⁹ Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». С приложением ведомственных нормативных актов / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова. М., 1996. С. 104; Настольная книга прокурора / Под ред. С. И. Герасимова. М., 2002. С. 227, 230–231.

²⁰ Мартыненко И. Э. Организация прокурорской проверки исполнения законодательства об охране памятников истории и культуры (опыт Республики Беларусь и других стран СНГ) // Прокурорская и следственная практика. 2002. № 1–2. С. 145.

²¹ Мартинович И. Проблемы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь // Юстыцыя Беларусі. 2000. № 2. С. 37–38.

²² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 55. С. 15–66.

²³ Там же. 2000. № 103. С. 39–46.

²⁴ Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 25. Ст. 421.

²⁵ Кехлеров С. Надзор за исполнением законов и законностью правовых актов // Законность. 1993. № 7. С. 6–7.

²⁶ Чурилов А. В. Защита прав и свобод человека и гражданина средствами прокурорского надзора. М., 2001. С. 31–36.

²⁷ О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности в Республике Беларусь: Декрет Президента Республики Беларусь, 3 мая 1997 г. // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. 1997. № 14. Ст. 485.